

А. Ветуховъ.

„А. А. ПОТЕБНЯ“.

† 29 ноября 1891 г.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣтье, № 3.

—
1898.

1898
22/5

A. БЕТКОВ

“А. А. БЕТКОВ”

1891 год

Второй том

ВАЗИЛОВА
Третья часть
Второй том

1898

Дорогому
Андрею Сергѣевичу
Вязигину
отъ автора

А. Ветуховъ.

„А. А. ПОТЕБНЯ“.

† 29 ноября 1891 г.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣстье, № 3.

—
1898.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 21 апрѣля 1898 года.

Александръ Аонасьевичъ Потебня. ¹⁾

(† 29 ноября 1891 года).

„Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья“ ...

Баратынскій.

Статья эта не преслѣдуетъ задачи дать что-нибудь новое о жизни проф. Потебни, освѣтить дѣятельность и труды его съ неизвѣстной до сихъ поръ, оригинальной точки зрѣнія. Цѣль ея гораздо скромнѣе — быть одной изъ тѣхъ капель, которыя, по пословицѣ, точатъ камень „non vi, sed saepe cadendo“. А камень этотъ великъ и слабо поддается воздѣйствіямъ; это — привычка мысли течь по разъ проложенному руслу, итти торной дорогой, — привычка могучая и сама по себѣ, а въ школѣ нашей, гдѣ идеямъ Потебни необходимо начать жизнь возможно скорѣе, закрѣпляемая еще цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Взгляды Потебни, его мысли, научныя теоріи и открытія настолько важны и глубоки, что обнародованіе ихъ и широкое распространеніе должно внести свѣжія струи свѣта, жизни въ исторію литературы, въ художественную критику, въ область искусства

¹⁾ „По-тебні“, мн. „по-тѣбни“, то же, что „тебенъки“ — кожаныя лопасти по сторонамъ козацкаго сѣдла” (Потебня, Къ исторіи звуковъ”, IV, 49).

вообще и даже въ современную философію, не говоря уже о спеціальныхъ областяхъ знанія, въ которыхъ покойный профессоръ былъ полнымъ властелиномъ.

Къ сожалѣнію, широкая публика все еще мало ознакомилась, мало поняла и оцѣнила этого глубокаго мыслителя и выдающагося современнаго ученаго. Поэтому намъ кажется не лишнимъ пересмотрѣть еще разъ и по возможности свести воедино то, что сдѣлано почитателями и учениками покойнаго профессора въ указанномъ направленіи и такимъ образомъ способствовать расширенію круга знакомыхъ съ личностью, дѣятельностью и трудами Потебни, востанію въ жизнь этихъ свѣтлыхъ идей, во многомъ поворачивающихъ вдумчиваго читателя на новый путь, ведущій въ глубины человѣческаго духа.

Начнемъ съ біографіи Потебни, такъ какъ она освѣтитъ многое въ изслѣдованіяхъ покойнаго профессора и намѣтитъ пути, какъ росла и крѣпла эта могучая, талантливая личность, увлекаемая неутомимой жаждой правды, свѣта. Чтобы сразу же познакомиться съ характернымъ складомъ рѣчи покойнаго, послушаемъ, какъ онъ самъ говорилъ о своей жизни.¹⁾

„Родился я въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губ.²⁾, дворянинъ. Учился сначала въ радомской гимназіи (въ

¹⁾ Попутно будутъ сдѣланы нѣкоторые дополненія, большею частью по статьѣ Б. М. Ляпунова „Памяти А. А. Потебни“, иногда и по другимъ матеріаламъ, частью также по личнымъ воспоминаніямъ.

²⁾ Въ родовомъ имѣніи своихъ родителей (Афанасія Ефимовича и Маріи Ивановны, урожденной Марковой) — Перекоповкѣ, 10 сентября 1835 года. — Отецъ Потебни въ молодости былъ въ военной службѣ; оставивъ ее, жилъ большею частью въ своемъ имѣніи. А. А. очень рано разстался съ семьей: 7 лѣтъ онъ поступилъ въ радомскую гимназію, и съ этой поры до поступленія въ университетъ не былъ въ родномъ домѣ.

бывшемъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дядя мой по матери былъ учителемъ. Въ 1851 году, несполна 16 лѣтъ, поступилъ въ харьковскій университетъ (потому что въ немъ въ 20-хъ, 30-хъ годахъ кончило курсъ трое моихъ дядей по матери), на юридическій факультетъ.

„Однокашники познакомили меня съ Мих. Вас. Нѣговскимъ, тогда медикомъ 5-го курса, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, кажется, большая часть его собранія, сколько помню, по виду очень объемистаго, затеряна. Въ завѣдываніи Нѣговскаго была небольшая бібліотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою бібліотекою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

„Въ слѣдующемъ году, отчасти по совѣту Нѣговскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 г. кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертациі „Первые годы войны Хмельницкаго“ (по Пасторія „Bellum scythico-cosacicum“, по Величку и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. — Какъ казеннокоштный студентъ и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ю харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на службѣ другимъ, отказавшись отъ жалованья (по нынѣшнему ничтожнаго: 223 руб. съ коп.), и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ, благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ былъ при университетѣ. Первые мои печатныя произведенія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной

поэзія“ ¹⁾ и „Мысль и языкъ“.— Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали заботиться о пополненіи университетовъ новыми преподавательскими силами. Я былъ въ числѣ первыхъ, отправленныхъ изъ харьковскаго университета за границу въ 1862 г. Воротился черезъ годъ. Затѣмъ до защиты докторской диссертациі ²⁾ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I и II“, въ 1874 г. былъ доцентомъ, затѣмъ экстра-ординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русскаго языка и словесности“.

Этимъ собственно и исчерпываются чисто біографическія данныя, сообщаемыя самимъ Потебней; продолжать описаніе внѣшнихъ фактовъ его жизни будемъ по различнымъ, уже обнародованнымъ матеріаламъ, а затѣмъ

¹⁾ Которое и послужило магистерской диссертацией, защищенной въ Харьковѣ 22 іюня 1860 г. — Съ этого времени А. А. назначается адъюнктомъ харьковскаго университета, при чемъ съ 1861 г. на него возлагаются теоретическія занятія съ кандидатами-педагогами. Въ этомъ же году онъ избранъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета.

²⁾ Проф. М. С. Дриновъ, Н. А. Лавровскій и А. И. Кирпичниковъ предлагали А. А-чу степень доктора до защиты имъ диссертациі, за прежнія работы, но въ силу своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этой степени обычнымъ путемъ. Во время защиты диссертантъ, по словамъ проф. Сумцова, выказалъ полное спокойствіе и деликатность въ спорахъ. — Со времени защиты этой диссертациі, удостоенной въ 1877 году Академіей наукъ Ломоносовской преміи, слава Потебни, какъ ученаго, стала расти и выходить за предѣлы Россіи. Въ 1877 г. онъ былъ избранъ въ д. члены Общ. Любит. Россійск. Словесности при Моск. у-тѣ и въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русск. яз. и словесности; въ этомъ же году и въ 1879 ему присуждено Академіей двѣ медали (за разборъ сочиненій Житецкаго и Головацкаго), а въ 1891 г. — медаль Константиновская отъ Географическаго Общества. Въ 1891 г. избранъ въ д. члены Чешскаго Королевскаго Общ. наукъ. Съ этого же времени (— защиты диссерт.) начинаютъ появляться и статьи, посвященныя разбору трудовъ Потебни.

возвратимся къ прерванной автобіографіи, къ той части ея, гдѣ раскрывается постепенное созрѣваніе этой великой духовной силы. Работая въ области науки въ строгомъ смыслѣ, А. А. отдавалъ значительную долю своего времени и энергіи харьковскому историко-филологическому обществу, ставившему своей задачей разработку и тѣхъ вопросовъ, которые близко интересовали покойнаго профессора: избранный въ члены Общества въ 1874 г., черезъ четыре года онъ становится уже во главѣ Общества и ревностно исполняетъ принятыя обязанности, вдохновляя своей дѣятельностью членовъ въ то время еще далеко неокрѣпшаго учрежденія. Вплоть до 11 октября 1890 г. Потебня принималъ самое живое, разностороннее участіе въ дѣлахъ общества (о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ протоколы), а въ этотъ день секретарь передалъ обществу печальную вѣсть: „М. Г., Николай Ѳеодоровичъ! (— Сумцовъ —) Покорнѣйше прошу Васъ передать гг. членамъ ист.-фил. общества вмѣстѣ съ благодарностью за прежнія избранія мою просьбу: на сей разъ не подвергать меня баллотировкѣ, такъ какъ, въ случаѣ избранія, я по нездоровью принужденъ буду отказать отъ званія предсѣдателя. Съ совершеннымъ уваженіемъ А. Потебня“ ¹⁾).

Нездоровье это было довольно тяжелой формы, и вполне оправиться отъ него А. А. не пришлось: съ этой поры здоровье его пошло на убыль. Временный подъемъ силъ и духа, возвращеніе обычной живости, которое такъ обрадовало слушателей Потебни весной 1890 г., было послѣднимъ усиленіемъ мощнаго духа сломить немощь физическую. Осень и зима этого года были очень тяжелы для больного: онъ почти не выходилъ изъ дому. Поѣздка въ 1891 г. на два лѣтнихъ мѣсяца въ Италію на время задержала разрушительную силу болѣзни, но начавшаяся въ сентябрѣ инфлуэнца нашла себѣ подготовленную

¹⁾ См. „Сборникъ Х. И. Ф. О.“ В. III, с. 4-я.

почву и глубоко пустила свои корни, отразившись на легких и почкахъ. Съ этой поры А. А. не вставалъ, хотя колебанія въ состояніи его здоровья подавали надежду на иной исходъ болѣзни до самыхъ послѣднихъ дней. Поэтому страшная вѣсть: „А. А-ча не стало!“ — была громовымъ ударомъ для его слушателей, еще такъ недавно видѣвшихъ дорогого учителя и слышавшихъ его живое слово (въ послѣднемъ семестрѣ А. А. пригласилъ слушателей ходить къ нему на квартиру). Этимъ печальнымъ днемъ было 29 ноября; въ 4 часа по полудни А. А. отошелъ въ вѣчность.

Собралась маленькая осиротѣлая группа слушателей усопшаго ученаго, отслушали панихиду и безмолвно, потрясенные тяжелой, невознаградившей утратой, разбрелись по своимъ угламъ. На утро въ квартиру покойнаго стекались съ разныхъ концовъ города знавшіе и почитавшіе Потебню сказать свое послѣднее прощаніе. 1-го декабря усопшему отданы были послѣднія почести: послѣ заупокойной литургіи и отпѣванія тѣла въ университетской церкви, гробъ былъ вынесенъ профессорами и переданъ студентамъ и ученикамъ А. А., которые и донесли дорогой прахъ до мѣста вѣчнаго упокоенія — на „городское“ кладбище. — Здѣсь, недалеко отъ входа, съ лѣвой стороны отъ дороги, ведущей къ церкви, подъ простымъ дубовымъ крестомъ, увѣнчанный множествомъ вѣнковъ, выслушавши нѣсколько послѣднихъ, вылившихся отъ сердца, прощальныхъ словъ, орошенный горячей слезой, какъ данью этому нѣжному, при жизни полному любви сердцу, покоится прахъ великаго ученаго, глубокаго мыслителя и истиннаго человѣка, все еще не оцѣненного по достоинству.

Скромный, заменутый въ кругу своихъ любимыхъ занятій, слишкомъ далекій отъ свѣтскаго шума и честолюбія, ставя свой внутренній голосъ выше всякихъ толковъ и пересудовъ критики и публики, удовлетворяя

лишь насущнымъ потребностямъ своего богатаго, широко и глубоко захватывающаго, пытливаго духа, А. А. при жизни былъ слишкомъ мало цѣнимъ и даже почти совсемъ неизвѣстенъ въ той средѣ, которую принято называть широкой публикой. Но въ разныхъ концахъ Россіи и Европы у него было много родныхъ по духу, цѣнившихъ и почитавшихъ эту крупную силу. Въ отвѣтъ на печальную вѣсть о преждевременной кончинѣ Потебни въ разныхъ газетахъ и журналахъ стали появляться статьи, замѣтки полныя глубокой скорби; жена покойнаго, харьковское историко-филологическое общество и нѣкоторые изъ профессоровъ получили рядъ телеграммъ, проникнутыхъ тѣми же чувствами искренняго горя.

Поднялось на ноги въ Харьковѣ все, что было близко съ покойнымъ по духу и роду занятій, чтобы привести въ извѣстность богатое наслѣдіе безвременно отшедшаго хозяина. Нѣкоторые изъ послѣднихъ слушателей А. А. стали въ свободные часы посѣщать квартиру покойнаго и при содѣйствіи семьи А. А. приводить въ порядокъ (внѣшній) оставшіяся многочисленныя папки съ замѣтками, выписками и набросками; затѣмъ, раздѣливъ по частямъ, приступили къ перепискѣ и повѣркѣ цитатъ въ наиболѣе обработанномъ трудѣ — „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ ч. III-я, а также нѣкоторыхъ отдѣловъ замѣтокъ по теоріи словесности. При этомъ со всею яркостью обнаружилось, какъ много недосказаннаго унесъ съ собою въ могилу покойный, какъ много осталось недодѣланнаго и какъ трудно додѣлать эту цѣльную художественную работу мысли, какъ трудно оживить эти груды цѣннаго матеріала, когда отлетѣлъ духъ, который одинъ могъ, вспыснувъ эти руины мертвой — цѣлящей и живой водой своего генія, вывести передъ нами яркія картины человѣческой мысли, ея творчества на протяженіи вѣковъ.

Поэтому сдѣлано, что было по силамъ. — Напечатано и перепечатано (вышедшее изъ продажи) то, что служить дверью, которою можно со временемъ войти въ со-

кровищницу и вынести изъ нея на свѣтъ, безъ особыхъ поврежденій, что въ ней хранится. Первымъ изъ такихъ трудовъ по времени и по значенію является „Мысль и языкъ“, напечатанный впервые еще въ 1862 г. и являвшійся библиографическою рѣдкостью; а межъ тѣмъ здѣсь найдемъ мы „стройное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли“. Въ 1892 г. это сочиненіе было перепечатано. Черезъ два года напечатанъ былъ небольшой частный курсъ „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка“, примыкающій къ двумъ послѣднимъ главамъ соч. „Мысль и языкъ“ и являющійся нѣкоторымъ подспорьемъ для изданія большого курса по теоріи словесности, сохранившагося въ бумагахъ А. А. въ необработанномъ видѣ. Въ слѣдующемъ году въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена статья „Языкъ и народность“, проливающая свѣтъ на нѣкоторые изъ насущныхъ для покойнаго вопросовъ. Въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ“ за 1896-й годъ, т. I, кн. 4, находимъ разборъ Потебней диссертациі Соболевскаго, разборъ интересный для характеристики нѣкоторыхъ приѣмовъ научной критики, которыхъ держался покойный. Наконецъ изданъ сборникъ рѣчей и некрологовъ, посвященныхъ памяти Потебни. — Все это вмѣстѣ съ имѣющимися въ продажѣ сочиненіями А. А. будетъ постепенно разноситъ идеи, знаменательныя и глубоко-философскія, въ средѣ читающей и мыслящей публики, учрежденная же при харьк. историко-филологическомъ обществѣ премія имени Потебни (присужденія которой уже состоялись два раза) — способствовать распространенію взглядовъ покойнаго въ средѣ студенчества; отсюда вѣдь выйдутъ и педагоги, сѣющіе свои сѣмена не въ одной тысячѣ юныхъ умовъ. Такъ со временемъ, будемъ надѣяться, создастся пониманіе выдающагося ученаго, образуется кругъ лицъ, готовыхъ положить свое время и знанія для изданія научнаго наслѣдія Потебни — съ одной стороны, а съ другой вырастутъ поколѣнія, воспитанныя на новыхъ понятіяхъ объ отношеніи слова къ мысли.

Теченіе и въ ту и въ другую сторону уже началось; да и самый строй современной мысли исподоволь уклоняется на этотъ путь, заготовляя подъ почвой богатое питаніе для новой теоріи. Объ этомъ рѣчь ниже. Теперь же возвратимся къ повѣсти самого профессора о томъ, какъ онъ учился, какъ зарождались, росли и крѣпили тѣ богатые духовныя силы, которыми столь щедро природа надѣлила покойнаго, какъ западали въ его душу тѣ сѣмена, изъ которыхъ выросли столь роскошныя плоды. Потенія — личность геніальная, поэтому онъ въ своемъ развитіи въ нѣкоторыхъ областяхъ мысли прошелъ раньше другихъ тѣ стадіи, въ которыя мысль средняго современнаго человѣка частью вступила, частью вступаетъ, а кое къ чему еще лишь готовится.

„Мнѣ кажется, я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, неимѣющимъ непосредственнаго, такъ наз. житейскаго значенія, (каковъ исчерпывающій все языковѣднѣе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики курской гимназіи. — Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давно умершими родственниками по отцу, получившими (по-старинному) буквально грошовое образованіе (за выучку у дьяка копа грошей и горшокъ каши). Тетка моя по четымъ-минямъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій.

„Въ радомской гимназіи, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже по-

средственности. Если впоследствии меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что я смолodu не зналъ никакихъ грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я учился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русскихъ въ гимназіи было всего нѣсколько), и въ семьѣ дяди — нѣмецкому. Тамъ же пріобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Объ университетѣ могу сказать, что въ общемъ онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать, рассматривая порознь преподавательскія силы. Бываетъ иначе, когда много дается и мало получается.

„Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр., въ преподаваніи — полное отсутствіе философіи. Логику и психологию читалъ профессоръ богословія, свящ. П. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первыя, буквально повторявшіяся изъ году въ годъ, строки вступительной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго — Петровскаго („М. Г. Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ, но, обуреваемый страстями, ограниченный вліяніемъ матери, человѣкъ“ . . . и пр.) возбуждали движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантъ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слыхали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; О. А. Валицкій считался даже очень хорошимъ преподавателемъ. Однако вѣрно, что въ мое время по латыни, по гречески въ университетѣ словесники забывали что знали, а знали, какъ я сказалъ, полтавскіе и курскіе гимназисты достаточно (семинаристовъ въ числѣ моихъ 9-ти товарищей не было). Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библіографіи и номенклатуры. — Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій «украинофилъ» (тогда еще этого термина не было) и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ „Южно-русскихъ народныхъ пѣсень“ былъ первой книгой, по которой я учился присматриваться къ явле-

ніямъ языка. Позднѣ Н. А. Лавровскій, перешедшій съ кафедры педагогики на кафедру русской словесности, указалъ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты другихъ факультетовъ совсѣмъ понапрасну прозывали словесниковъ юсами и буквѣдами: юсовъ словесники обыкновенно не одолѣвали и сами чувствовали къ нимъ не меньшее отвращеніе, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ латинской и греческой грамматикѣ.— Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зернинъ говорилъ растянута, некрасиво, но дѣльно и свободно, не по тетрадѣ и не выучивая дома наизусть, какъ дѣлали нѣкоторые профессора.

„Составленіе за нимъ записокъ было мнѣ полезно во многихъ отношеніяхъ. Я черезъ П. Лавровскаго познакомился грамматикой Миклошича, трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, упомяну Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, сочиненіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ не нравилось, и статью Буслаева „Объ эпической поэзіи“. Затѣмъ, къ сожалѣнію, ничьими содѣлками я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполне уединенно. Благодаря П. Лавровскому я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. — Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что сидя одинъ-на-одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей было 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, если бы продолжа-

лось не семестръ, а 2—3 года, но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; тоска стала одо- лѣвать и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію ¹⁾).

„О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопро- сы языкознанія, понимаемаго въ гумбольдтовскомъ смы- слѣ: «поэзія и проза „(поэтическое и научное мышле- ніе)“ суть явленія языка». — Въ послѣднее время я чи- тать нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, постро- енный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамма- тическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, посвящая два заглавія: для публики: — „Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго“, для меня — „Объ устра- неніи въ мышленіи субстанцій ставшихъ мнимыми“ или „о борьбѣ мионическаго мышленія съ относительно-науч- нымъ въ области грамматическихъ категорій“ (по дан- нымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія об- общенія такихъ то по имени ученыхъ основаны на фи- лософской работѣ безыменныхъ мыслителей, совершаю- щейся въ языкѣ, что напр., математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возмож- на лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно на- вязывать мысль о субстанціальности, вещественности чи- сла, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пифагоръ, долженъ остаться въ этой суб- станціальности.

„Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народ- ности, заимствованіи и т. п., въ печать попадали только строки, напр. въ разборѣ „Пѣсень Головацкаго“ ²⁾).

¹⁾ Къ этому времени относятся любопытныя письма А. А. изъ Берлина къ своему товарищу Бѣликову (см. „Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Общ.“, т. X, VI).

²⁾ Автобіографія эта помѣщена у Пыпина въ „Исторіи русской этнографіи“ т. III, с. 420—4, — дополненія.

Этими словами кончается автобіографія покойнаго, но въ одномъ изъ посмертныхъ его трудовъ и въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ объ А. А-чѣ болѣе-менѣе выясняется точка зрѣнія Потебни на эти существенные вопросы. Приведу выдержки изъ менѣе доступныхъ для публики статей этого рода, предоставляя каждому заинтересованному самому ознакомиться со статьей Потебни „Языкъ и народность“, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1895 г.— Таковъ прежде всего вышеупомянутый „разборъ пѣсенъ Головацкаго“.— „На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему, но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія (внѣшнія, но не непременно инородныя, ибо въ концѣ концовъ и народная жизнь происходитъ въ «я», для котораго все мимотекущее есть внѣшность); она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное отрицаніе прежняго содержанія.— „Языкъ согласно съ этимъ есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ не мыслима точка зрѣнія, съ которой видны были всѣ стороны вещи, какъ въ словѣ невозможно представленіе, исключающее возможность другого представленія; такъ невозможна всеобъемлющая, безусловно лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибелью для человѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это было не осизаніемъ, а зрѣніемъ“.— „Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности — другія народности. Какъ немногими знаками выражаются безконечныя числа и какъ нѣтъ языка и нарѣчія, которые не были бы способны стать орудіями неопредѣлимо разнообразной и глубокой мысли, которая однако никогда не можетъ сравниться съ познаваемымъ, такъ всякая народность, хотя бы и низшая, а ргіогі спо-

собна къ безконечному одностороннему развитію“ ¹⁾.

— „Многія мысли и многіе образы, не лишенные общаго значенія, вовсе бы и не родились безъ «провинціальныхъ жаргоновъ»“ ²⁾.

Чрезвычайно характерно высказалъ Потебня свое мнѣніе о заимствованіи и самобытности въ творествѣ, въ 1890 г., по поводу спора двухъ малорусскихъ писателей: „Съ одной стороны, свойства челоѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразнѣйшія произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодотворною для меня и для другихъ, должна быть мною усвоена, т. е. до извѣстной степени *присвоена*, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли «*suum cuique tribuere*» до подробностей въ множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны, — авторъ нерѣдко наклоненъ «*sibi minimum tribuere*», какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишень эгоистическаго побужденія къ дѣятельности, быть можетъ, общепользной, и общепользное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію“ ³⁾.

Уже въ этихъ немногихъ строкахъ видна ясная, строгая, оригинальная и глубокая мысль, зрѣвшая въ тиши кабинета до времени полнаго развитія и тогда лишь

¹⁾ Отрывки эти взяты изъ „Отчета о 22-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ“, (гдѣ помѣщенъ „Разборъ пѣсенъ Головацкаго“) с. 92—3.

²⁾ Ib., с. 95.

³⁾ См. „Южный Край“ за 1890 г. № 3264, а также статью проф. Сумцова въ „Зап. Импер. Харьк. у-та“ за 1893 г., в. 1-й „Матеріалы для исторіи Харьк. университета“.

пускаемая въ оборотъ, въ жизнь, далеко не щедрой рукой творца. — Уединенная жизнь, сосредоточенность въ занятіяхъ развивали въ А. А. необыкновенную строгость къ себѣ въ словахъ и углубленность, чрезвычайную сосредоточенность, придававшую этому умному, тонкому, благородному лицу оттѣнокъ суровости, на первый взглядъ. На первыхъ порахъ и эта вышность и тотъ сжатый, строго-научный языкъ, который дѣлалъ изложение Потебни какъ бы сухимъ, трудно усваиваемымъ, отпугивали новичковъ слушателей отъ этихъ лекцій, замѣчательныхъ по глубинѣ содержанія и способности вызывать къ жизни и дѣятельности чужую мысль, подымать на брань всѣ силы души; со временемъ всѣ эти „непоказныя“ стороны становятся притягивающими, чарующими, какъ свидѣтельствуя о томъ единогласныя признанія и воспоминанія слушателей покойнаго, не испугавшихся перваго впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, такихъ оказывалось немного, такъ какъ харьковскій университетъ за послѣднее время филологами не былъ богатъ. Изрѣдка заходили на лекціи Потебни и студенты другихъ факультетовъ, но обыкновенно не выдерживали и первой. Однако бывали единицы, которыхъ успѣвала захватить поражающая мощь мысли профессора, и такіе отдавали ему все свободное время, съ нетерпѣніемъ ожидая послѣ первой лекціи, второй, третьей Обнародованы пока воспоминанія лишь одного изъ такихъ „случайныхъ“ слушателей, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горькой утраты великой духовной силы и рисующія передъ нами очень ярко, во весь ростъ, фигуру покойнаго профессора.

. . . „Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ — математикъ: „Пойдемъ, послушаемъ Потебню“. — „Вотъ охота, — какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно“. — „Нѣтъ, теорія словесности и, право, хорошо“. — Пойдемъ, пожалуй“. Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій: впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой лекціи, только усиливалось въ те-

ченіе послѣдующихъ; все мнѣ казалось здѣсь новымъ, необычайнымъ своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя, — всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и — самое дорогое въ немъ — чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ. — Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ кафедръ, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете?» — и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете» — и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ; онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго, — все было рассчитано на то, чтобы будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло; я сказалъ бы, — такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пас-

сивнымъ слушателемъ, а какъ-бы сотрудникомъ, потому что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали само-дѣтельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки — наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ аудиторій не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и, на первый взглядъ, несвязанныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ, такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, не совсѣмъ связанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода, звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ сказалъ: «Искусство всегда идетъ впереди науки; нунда, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ социологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ не было никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминая для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностями воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой

тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ разнообразныхъ и сложныхъ свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной — его строго положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языковѣданія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко, только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни, и изреченіе Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенка и поэма проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, тонкую и остроумную *causerie*. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтический, рельефный языкъ, — все вело къ тому, чтобъ вполне отдаться содержанію этой рѣчи. — И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произведеній искусства давались такія точныя истинно-научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самыя вопросы, которые по неясной подготовкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и

надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ походя, изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно беспочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирались здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не ялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противопоставлялъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи: въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню, съ улыбкою объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо». «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно — куда ни тѣни, въздѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ указать»... И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно, — и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрогивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка. — Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертациі „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, основанной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только пло-

домъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя, надо надѣяться, будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообъясняющую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложные явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложные, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху. — Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессиональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому рассказать кой-что о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ. — Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадное. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міросозерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то

едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своею личностью, своимъ содержаніемъ, своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка, за теоретическимъ изложеніемъ спеціальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутии оставаться было нельзя — насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индефферентизмъ, что даромъ она не дается — надо имѣть на нее право, что мало хотѣть — надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она наконецъ, — тоже крестъ, ибо потребуетъ жертвъ и приносить отвѣтственность. — Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный отдѣлъ философа и теолога, — но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!... Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ вкусномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровоззрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово», — новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія. Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Передъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, за чѣмъ мы шли въ университетъ... — Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе «Обзора поэтическихъ произведеній». Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности, въ «потокѣ событій»

и — еще шире — идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. «Мѣдный Всадникъ», «Германъ и Доротея», санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ-Злочастѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики — научнаго изслѣдованія произведеній искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недостатковъ или виѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теоріи «прикладнаго» или «чистаго искусства»; онъ не уходилъ въ библиографическія подробности, онъ, наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія — онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное вставало передъ ученикомъ въ новомъ пониманіи во всей своей цѣлости, красотѣ и глубинѣ; ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика — отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно — дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно — дѣйствительный «переходъ мысли отъ неизвѣстнаго къ извѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучее, чѣмъ болѣе широкъ кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партийная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе, — общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ, который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ усвоенія самой идеи безконечнаго, и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтической жизненностью, которая давала не мертвое понима-

ніе сухой схемы, а вѣру — вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той настоящей, большой* истинѣ, намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, въ томъ же тембрѣ, въ томъ же настроеніи. Мы не аплодировали — *это* было важнѣе рукоплесканій, — но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшний день не потерянь, что жить и работать еще можно — и должно... Такова была эта теорія словесности. — Передо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ — для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый, властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе, — печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи». — И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить «чѣмъ люди живы» ¹⁾. —

¹⁾ А. Горифельдъ, „Лекціи А. А. Потебни — изъ воспоминаній бывшаго слушателя“ (напечат. сначала въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1891 г., № 335, а затѣмъ перепеч. въ сборникѣ „Памяти А. А. Потебни“ и въ „Кіевской Старинѣ“).

Такъ живо, ярко, талантливо и горячо отразились вдохновенныя лекціи покойнаго въ душѣ одного изъ «случайныхъ» слушателей, захваченныхъ могучей волной, успѣвшей занести его въ глубь и ширь моря мысли. Это были лекціи по теоріи словесности, лекціи, которыя и для широкой публики могутъ имѣть интересъ и даже увлекать, при нѣкоторой подготовкѣ. А вотъ воспоминанія и о спеціальныхъ курсахъ („Русскій синтаксисъ“ и чтеніе стар. памятниковъ) специалиста же слушателя:

„Не знаю, какъ Потебня открывалъ свои курсы въ прежнее время; въ тѣхъ, которые онъ читалъ въ послѣдніе годы, вовсе не было общихъ введеній, составляющихъ обыкновенную принадлежность университетскихъ чтеній, хотя бы посвященныхъ и частнымъ вопросамъ. Профессоръ, какъ будто избѣгая траты времени, снѣшилъ ввести своихъ слушателей въ кругъ намѣченныхъ имъ для предстоящаго курса вопросовъ, и этотъ курсъ, какъ эпическая пѣсня, начинался не або ово, не съ сухихъ генеалогическихъ подробностей, а прямо съ середины. — Что такое русскій языкъ? Какое обыкновенно даютъ ему опредѣленіе?» спрашивалъ Александръ Афанасьевичъ, голосомъ, тономъ рѣчи, всей своей фигурой давая чувствовать, что бесѣда будетъ о чемъ-то важномъ, серьезномъ. Этотъ типическій способъ начинать лекціи простымъ вопросомъ объ извѣстномъ всякому предметѣ напоминаетъ и его печатные труды: достаточно указать на «Записки по русской грамматикѣ», которыя также начинаются вопросомъ: «Что такое слово?» — «Часто встречаемыя выраженія: это по-русски, это не по-русски, предполагаютъ пониманіе русскаго языка въ слишкомъ узкомъ смыслѣ; ими обыкновенно хотятъ сказать не то, что это молъ по-французски или по-нѣмецки, а то, что кому думается о словѣ или фразѣ съ точки зрѣнія узкаго провинціальнаго развитія, т. е. принимается часть за цѣлое». Далѣе выяснялась историческая и психологическая необходимость столь узкаго пониманія термина «русскій». Приведа взгляды на русскій языкъ Нестора, Ломоносова и др.,

А. А. выставилъ свое положеніе, что нормальное состояніе языка есть дробленіе на говоры, что слѣдовательно, исторія русскаго языка есть исторія совокупности говоровъ. Въ этой совокупности русскихъ говоровъ каждый имѣеть право на существованіе и научную разработку. Послѣ обзора площади русскаго языка слѣдовало разъясненіе положенія объ естественномъ движеніи языка, которое далеко не исчерпывается литературными формами, а обнимаетъ также составъ и строй живыхъ говоровъ.— Далѣе рѣчь пошла о грамматикѣ, сначала школьной, преслѣдующей практическія цѣли, а затѣмъ научной, теоретической. Профессоръ развилъ намъ, что вопросъ о пользѣ грамматики сводится къ вопросу о пользѣ исторіи, высшимъ положеніемъ которой онъ считалъ мысль о братствѣ народовъ, объ единствѣ человѣчества. Цѣль теоретическаго знанія языка вообще и грамматики въ частности профессоръ полагалъ въ томъ, чтобы довести до сознанія цѣли, преслѣдуемая языкомъ, и средства, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. Разъяснивъ далѣе слушателямъ, что языкъ есть не фактъ, а дѣятельность, направленная къ претворенію матеріи звуковъ для цѣлей мысли, и что въ разныхъ языкахъ цѣли эти достигаются различными путями опредѣляя національный ихъ характеръ, профессоръ вывелъ отсюда положеніе, что языкознаніе націоналистично, и что нашею цѣлью должно быть изученіе особенностей уложенія мыслей въ русскомъ языкѣ.— Выставляя общія положенія въ началѣ курса, А. А. не предрѣшалъ никакихъ общихъ или специальныхъ вопросовъ русскаго языкознанія, но настраивалъ только слушателей на извѣстный ладъ и возбуждалъ высокій интересъ къ своему предмету. Перспектива будущаго курса смутно рисовалась въ нашемъ воображеніи, и благодаря отсутствію апріорнаго распределенія была въ высшей степени заманчива. Намъ давались въ руки какъ бы нити, которыя должны были войти въ основу развиваемой ткани.— А. А. собственно не читалъ лекцій, а бесѣдовалъ. Какъ то разъ въ началѣ

курса по теоріи словесности А. А. высказалъ свой взглядъ на то, какъ слѣдовало бы собственно читать лекціи. По его мнѣнію, лучшій способъ преподаванія—бесѣда, и онъ былъ противъ монологическаго чтенія съ кафедры, какъ чего-то искусственнаго, неестественнаго, несоотвѣтствующаго самой сущности дѣла. Но собесѣдованіе возможно лишь при умѣніи ставить вопросы и давать на нихъ отвѣты, не уклоняясь отъ предмета курса. — Любимой манерой изложенія А. А. и былъ діалогъ, вся рѣчь его состояла изъ чередующихся вопросовъ и отвѣтовъ. Нерѣдко отъ естественнаго въ своей рѣчи діалога, онъ переходилъ къ настоящей бесѣдѣ и предлагалъ вопросы слушателямъ, что дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда они изъ запаса предыдущихъ чтеній или на основаніи только что сдѣланнаго анализа фактовъ могли уже дать требуемый отвѣтъ. Такіе вопросы дѣлались иногда и съ очевидною цѣлью повѣрить пониманіе слушателей. Потебня былъ глубокой психологъ, а потому и замѣчательный учитель. Ему были хорошо извѣстны и слабости ученической души и законы человѣческаго пониманія. Наблюденія надъ языкомъ выработали въ немъ убѣжденіе, что передать свою мысль не только трудно, но положительно невозможно, что объективируя свою мысль въ словѣ можно лишь возбуждать въ другомъ рядъ его собственныхъ мыслей, и онъ нерѣдко говаривалъ, что «всякое пониманіе есть въ то же время и непониманіе», т. е. пониманіе по-своему. Потебня не упускалъ изъ виду измѣнчивости человѣческой мысли, и всѣ силы свои, казалось намъ, напрягалъ не на переверотъ въ нашемъ сознаніи, не на внесеніе чего-то новаго, а на измѣненіе лишь точки зрѣнія на вещи. И онъ достигалъ своихъ цѣлей. Мы навсегда разстались съ прежними наивными понятіями о русской грамматикѣ; между нашими воззрѣніями въ началѣ курса и въ концѣ его лежала уже цѣлая пропасть“ ¹⁾.

¹⁾ В. Харціевъ „Воспоминанія объ А. А. Потебнѣ“ (въ „Слав. Обозрѣніи“ за 1892 годъ, V—VI, с. 120—2).